

Эта беседа происходила в октябре 1987 года в кабинете секретаря Союза писателей СССР, известного писателя Петра Лукича Проскурина по просьбе еженедельника «Литературная Россия». Но, к сожалению, публикацию ожидало двадцать пять лет забвения...

Распечатанные экземпляры нашего разговора я отдал лично Проскуру, отнёс в «Литературную Россию» и оставил один в своём архиве. Еженедельник в течение полугода никак не среагировал на беседу, а я не стал более беспокоить, ибо понял, что материал оказался слишком злободневным... Прошло более двух десятков лет. Я жил уже в иной стране с иными заботами. Подводя итоги своей жизни к 70-летию, решил собрать мои беседы с выдающимися людьми (а их было немало) в один томик. И вспомнил о давнем разговоре с Петром Лукичем. Но своего экземпляра так и не нашёл. Проскуринский же экземпляр, по словам Дилианы Рустамовны, затерялся в его большой квартире. Но мысль об утере чего-то важного постоянно тревожила меня.

И, наконец, недавно, разбирая дальний архив свой, неожиданно обнаружил среди рукописей пожелтевшие страницы беседы с Проскуриным.

22 января исполнилось 85 лет со дня рождения мастера отечественной прозы и, мне кажется, что давняя беседа наша для читателей «Общественной Литературной газеты» интересна и сейчас. А необычные наблюдения Петра Лукича над природой славянства, родного языка, над творчеством Льва Толстого, Леонида Леонова, Михаила Шолохова подчёркивают неординарность его размышлений о судьбе русской словесности.

Анатолий ПАРПАР

Пётр Проскурин: «Мы должны

В последнее время наша пресса остро и справедливо выступает в защиту памятников истории и культуры. И это радует. Правда, писатели давно обеспокоены плачевным состоянием охраны народного достояния и показывают примеры патриотического отношения к нему. В частности, у вас в романе «Судьба» смольянин Белавин не даёт осквернить знаменитый храм в Смоленске...

Как вы относитесь к сегодняшней кампании в защиту памятников? Не кажется ли вам, что это может превратиться в некий журналистский бум, который вскоре склнет? Нет ли такой опасности?

— Вопрос-то интересный сам по себе. Шумим много, а делаем мало. Я действительно давно интересуюсь историей. И не просто для развлечения, а пытаюсь проследить, какие исторические силы повлияли на формирование нашего настоящего. А связи эти, конечно, есть. Вот почему этот вопрос интересен и болезнен одновременно. Почему болезнен? Потому что в течение длительного периода кое-кто счёл себя переделывать историю на потребу ежeminутным нуждам в политике, экономике и т.д. Конечно, всё это со временем очистится, потому что сама история никакими постановлениями невозможно изменить, никакими переделками не перестроить...

— Нужно прививать молодёжи глубокое уважение к достоянию своих предков. Чтобы у ребёнка сзылама было ощущение истории. Потому начинать необходимо с детского сада, со школы, то есть с самого начала.

— Начинать, возможно, нужно и со школы, однако одним энтузиазмом здесь ничего не сделаешь. Необходима последовательная законода-

тельная политика, которая действовала бы во всех без исключения общественных институтах. Иначе всё забудется, а останутся только потоки слов, в которых захлебнётся энтузиазм одиночек.

— В одном из своих выступлений по телевидению вы высказали мысль, очень меня поразившую своей трагической правдой: «Славянские народы уменьшаются числом». Я и сам много лет изучаю историю. И помню, какой жестокой платой досталась русскому народу победа нашего оружия на Куликовом поле: ценою гибели многих тысяч воинов. России пришлось почти столетие восстанавливать свои потери после этой, в буквальном смысле, пирровой победы, чтобы полностью сбросить с себя орддыское иго. Ваше детство прошло на временно оккупированной территории, впрочем, как и моё. Вы видели, как гибли мирное население, как медленно поднимались из руин деревни и сёла, и это ощущение невосполнимости потерь, безусловно, сильно повлияло на вашу юношескую психологию и отразилось в вашем творчестве. Это беспокойство...

— Это беспокойство вызвано, во-первых, тем, что территория, на которой выросали племена, сложившиеся потом в определённых исторических обстоятельствах в русский народ, сформировала единый характер и единый язык, который мы называем старославянским. Меня давно интересует вопрос приславяния славян в этом мире. Он важен не только для Западной Европы. Славянством интересуются представители многих философий. Через славянство в мир вышли многие новые социальные идеи. Что-то, видимо, заложено в

самой природе славянства: то ли редкостная самоотверженность, то ли обострённое чувство справедливости, — однако к ним приковано внимание многих и учёных, и политиков, и художников, и философов. Видимо, привлекает и то, что славянство испокон веков несёт огромные потери ради достижения справедливости, что оно всегда рискует...

— Когда вы почувствовали, что вы — писатель, что вы можете и обязаны сказать честное и достойное слово о своём народе? Когда к вам пришло такое понимание?

— Я почувствовал это поздно, к началу своей работы над романом «Судьба», годам к сорока.

— В повести «Порог любви» вы, мне кажется, решили подвести некоторые итоги своей жизни, попытались понять, что же происходит в вас самом.

— Действительно, происходящее во мне совсем не просто. Что-то заставляет человека осмысливать какие-то моменты в своей жизни, жизни своего народа, смотреть под разным углом зрения на происходящее. И как-то неожиданно приходит к человеку большая идея, которая обязательно появляется в душе истинного художника. Мне кажется, что эта идея приходит в больших трудах и нелёгких муках.

— Когда же к вам пришла мысль приступить к созданию диалогии «Судьба» и «Имя твоё»?

— Я задумался над этой идеей в начале

шестидесятых, когда мне было уже за тридцать.

— Это было после написания «Горьких трав»?

— Да! Я жил тогда в Хабаровске. И ко мне пришёл замысел написания большого романа под названием «Тень». Почему такое название пришло, и сам не знаю, но наброски и большие куски в моём архиве сохранились. Почему произошло именно тогда? Видимо, наступила та мера зрелости и информативности, которая струнула что-то в самом организме, заложенное средой, биографией, самой жизнью.

— А не могла война быть катализатором происшедшего?

— Я думаю, что война струнула многое... Может быть, война и заставила писать. Ещё мальчишкой я начинал писать стихи, пытался что-то выразить, уйти от того, что творилось кругом в оккупации, — было мне тринадцать-четырнадцать лет, — пытался сотворить свой мир. Иначе бы мне не выдержать. Именно в этом искусственном мире и уцелела душа. Если же брать судьбу всего народа, то его положение и заставило задуматься о многом. Почему всё время так плохо? Этот вопрос возникает, наверное, когда человек овладевает определённым уровнем культуры, философии осмысления. И появляется тогда желание понять, что такое народ, куда он идёт? Как говорится, зачем и от-

глубокие мыслители, основательные писатели. Повлияло ли на вас их подвижность в жизни, в литературе?

— Для меня «Тихий Дон» является примером того, что может создавать талант даже в самых тяжелейших условиях, среди разрыва неискренних, фальшивых произведений, среди которых, как бы странно это ни звучало, бывают шедевры эпигонства. Талант же не может идти иным путём, как дорогой истины.

— Значит, когда вы работали над диалогией, то в критериях честности и справедливости сверяли себя с «Тихим Доном» как с эталоном?

— Для меня это произведение является эталоном смелости. А Леонид Максимович Леонов научил меня ценить слово, этот гибкий материал, из которого можно сделать всё: и никому не нужные поделки, и полновесное золото образов. Я очень люблю Леонова, хотя современному читателю трудно осваивать его прозу из-за большой художественной информативности, вложенной в непростое слово. Он ни разу не отошёл от истины жизни, ни в первом сочинении своём, ни в последнем. А какой противидеи! Ещё в его романе «Скутаревский» уже явна мысль о развитии техники, которая может поработить человека. Он, конечно, классик.

— Классиком он стал уже в двадцать пять лет...

задуматься над окружающим»

— Нет молодых писателей и нет старых. Всё определяет степень таланта. Молодой Толстой сразу стал заметен своим «Детством». Талант поднял его на высочайшую ступень литературы. Так же было и с Леоновым, и с Шолоховым. А досужие разговоры о возрасте писателей необязательны.

— И всё же, что бы вы посоветовали начинающим писателям, которые только подходят к тому, чтобы честно решать жизненные проблемы, что бы вы посоветовали, опираясь на ошибки молодости?

— Без ошибок не прожить. Всё повернется собственным опытом. Каждый должен пройти свой путь обретения и свой путь ошибок, которые могут привести и к прозрениям, и к победам. Одно можно посоветовать точно: не останавливаться в своём самовыражении истины ни перед чем, избегая в самом себе внутреннего цензора. Надо быть раскованным и совершенно свободным от всего, кроме того, что жаждет сказать талант и так, как он жаждет сказать. Многие талантливые писатели погибли именно оттого, что заранее ставили пределы, через которые не разрешали себе перешагнуть. А с этим разрешением погибало в них, в природе их таланта что-то поистине божеское, заложённое изначально. Именно большие таланты не могут удержаться ни в каких пределах.

(окончание в следующем номере)

Римма Казакова. «Пусть останется тайна...»

Вушедшем году Римме Казаковой исполнилось бы 80 лет.

30 лет назад, выступая в Нижнем Новгороде (Горьком), поэтесса дала это интервью университетской газете, в которой я тогда начал свой журналистский путь. Размышления замечательной русской поэтессы о жизни и поэзии, как и всё творчество Риммы Казаковой, не потеряли своей значимости и актуальности и, полагаю, будут интересны не только биографам, но и широкой читательской аудитории. В центральной прессе интервью публикуется впервые.

Михаил САДОВСКИЙ

— Римма Фёдоровна, хочется начать наш разговор с традиционного вопроса. Как вы начинали писать стихи? Когда пришло осознание себя как поэта? Словом, как «начинают жить стихом»?

— Стихи я начала писать как многие, кто потом стал профессионалом, с детства. Отчасти к этому меня подтолкнуло время, на которое оно пришлось. Была война. Я шла с ведрами с речки, где из проруби мы брали воду. Помнится, было очень грустно. Отец и старший брат на фронте. Мы постоянно беспокоились за их жизнь. Я старалась помогать, чем могла, маме, и вот носила по полведёрочка воду. В воде плавали синеватые льдинки. Я остановилась, чтобы передохнуть, и увидела, что на небе так же плывут облака. Льдинки и облака родили пронзительное чувство гармонии, красоты природы. И диссонансом этой красоте прозвучала горечь, жившая во мне, вызванная военным временем. Я помню, даже заплакала. Придя домой, нацарапала какие-то строчки. Это и было началом моего поэтического творчества. Я много читала, очень любила Лермонтова. Наверное, стремление выразить свои мысли и чувства рифмованными строчками произошло также под влиянием и чужих стихов. И так, жизнь, народная трагедия, личная причастность к ней и хорошая большая литература — сочетание этих причин «заставили» меня взяться за перо.

Первые свои стихи отправила отцу на фронт. Мне тогда было одиннадцать лет. Все годы войны отец носил в кармане гимнастёрки этот четверо-слженный листок. И потом во все годы своей жизни он считал, что это были самые лучшие мои стихи. Может, так оно и было, потому что бойцы верили, что любимые стихи, которые они с собой носили как талисман, помогли им уцелеть в этой страшной войне.

— Читателя, даже самого искушённого, всегда занимает тайна рождения стиха. И это отнюдь не праздное любопытство обывателя. Не могли бы вы сказать, с чего начинается стихотворение? Что является его импульсом, первоначалом?

— Это бывает по-разному. Есть стихи, которые пишешь по заранее продуманному плану. Обычно это стихи общественной, гражданской тематики. К таким темам обращаешься, когда что-то в окружающей жизни вызывает протест. Или, наоборот, что-то очень нравится и об этом хочется сказать во весь голос. Это один вид стихов. А есть такие вещи, которые пишутся очень странно: сядишь, чтобы написать одно, но из-под пера льётся совершенно другое. Так выдаёт свою продукцию подоснование, в котором шла работа. У меня оно очень активно. Я из тех, которые, готовясь к экзамену, кладут учебник под подушку. Могу, ложась спать, дать себе задание обдумать что-то, и кутур часто приходит решение. Некоторые поэтические строчки просто снятся. Поэзия для меня отчасти чудо. Я в ней не всё сама понимаю, но не хочу с этим непониманием бороться. У меня были такие строчки:

*Благодарю судьбу за то,
Что неразумной силой
Непрепарированное
За глубину над головою.
И под ногами, и вокруг.*

Пусть и для читателя в ней останется какая-то тайна.

Для меня работа над стихами — это не только время сидения за столом, но и всё остальное время. Всё работает на поэзию: чтение хороших книг, общение с интересными людьми, обдумывание жизненных процессов. Нужно ни в коем случае не отгораживаться от жизни. Чем активнее живёшь, чем больше в себя впитываешь, тем результативнее бывает вспышка, которая называется вдохновением. Для меня оно почти всегда физически ощущаю. Как будто что-то подступает к горлу, голова начинает слегка кружиться, и вдруг, как надпись огненных букв на стене, рождаются строки. Как если бы в крошечной тьме вдруг открылось маленькое светлое окошечко.

Это какое-то прозрение, ясность какая-то. Нужно успеть коня вдохновения загнать до конца, пока это «окошечко» не захлопнулось. И когда оно закрывается, ощущаешь, что ты уже совсем другой человек. Пережитое состояние и сотворённое тобой воспринимается уже отстранённо. Бывали даже такие случаи, когда я потом не узнавала своих собственных стихов. Я редко мучаю себя насильным сидением за столом. А так, я хожу, стихи во мне растут, произрастают, развиваются, и когда дело доходит до критической точки, когда они должны уже перелиться на бумагу, то они сами берут за шиворот, и ты сядишь и напишешь.

— Теоретики литературы бесильно боятся над точным, исчерпывающим определением поэзии. Если бы к вам обратились с этим вопросом, какое определение предложили бы вы?

— Я бы никакого не предложила. В мои задачи не входит развивать теорию литературы. Я практик. Предпочитаю целовать, нежели формулировать, что такое поелуй.

— Чем вы занимаетесь в свободное от стихов время?

— У меня сам процесс написания стихов занимает очень мало времени. Поэтому, можно сказать, что всё моё время — свободное. Я по образованию историк и несколько лет преподавала в вечернем университете, читала лекции. Потом училась на Высших литературных курсах, пять лет работала в секретариате правления Союза писателей СССР, занималась пропагандой художественной литературы. Недавно я отошла от всех этих забот. Но работы всё равно хватает. Я повторяю, чтобы писать стихи, нужно жить как можно активнее. Сейчас занимаюсь историей ленинградского ополчения. Может быть, напишу об этом поэму...

Если бы вы задали вопрос более узко: что я люблю? Как ни странно, люблю болтаться на кухне и готовить еду. Если это не хобби, то, во всяком случае, большое увлечение. Правда, готовить каждый день мне не приходится, потому что вот уже 20 лет это дело является монополией женщины, живущей в нашей семье, няни моего сына, которая стала очень родным человеком. Она у нас специалист по сибирским пельменям, а я считаю мастером узбекского плова, который много лет назад меня научили готовить мои

друзья-узбеки.

Я с удовольствием посещаю бассейн, люблю лыжи. По-моему, два эти вида спорта прекрасно дополняют друг друга. Я не заметила, как лыжи и плавание, а также ежедневные прогулки стали неотъемлемой частью моей жизни, встали в ряд духовных ценностей. И, наверное, это хорошо.

— Римма Фёдоровна, ваш идеал женщины?

— Дело в том, что идеальной женщиной в наше время быть нельзя, впрочем, это касается не только женщины. Что такое идеал? Это некое совершенство. Я считаю, что безгрешный человек не существует. Он не может трогать, волновать. Как говорил Пушкин, «без грамматической ошибки я русской речи не люблю». Для меня существуют просто хорошие люди, имеющие определённый набор положительных качеств.

Я думаю, эталонные требования должны быть одинаковы как к мужчине, так и к женщине, большой разницы тут быть не может. Мне претит старомодное представление, что женщина должна быть глуповатой, что умных мужчины боятся. Каждый человек должен постараться развить все свои способности. И женщина тоже. Но дело в том, что женщина, она всё же женщина. Она создана для того чтобы быть матерью, она дарящее, творящее начало в жизни.

Женская любовь отличается от мужской. Женское любовное чувство включает в себя огромный процент нежности и заботы: её любовь действительна. Пришивая к одежде любимого пуговичку, она делает нечто большее, вкладывает в это что-то такое нежное, чисто женское. Мужчины к такому неспособны.

Конечно, мы не можем вернуться в прошлый век, где замуж выходили по сватовству, где был церковный брак, семья была неразрушима, а всё-таки что-то в этом было обаятельное. Я заговорила об этом потому, что сейчас очень часто легкомысленно разрушают брак. А ведь ничего умнее и лучше человечество не придумало. Я за то, чтобы было более святое отношение к этому союзу людей, результатом которого являются ещё

и дети. Прежде чем разрушать, гораздо разумнее найти формы общения с миром, которые не ущемляли бы вторую половину в семье. В прошлом веке мужчина, если где-то задерживался и не приходил домой вовремя, это не грозило распадом в семье. Он был кормилец, он имел на это право. А у нас свобода поведения в стороне от семьи всегда ставит под угрозу само существование семьи.

Идеальная женщина, на мой взгляд, — это, прежде всего, хороший человек: трудолюбивый, искренний, честный. И женщина в её физической, биологической сути. Нежная. Любящая. Слабая, потому что в какие-то моменты жизни сила женщины в её слабости. Одним словом: женственность.

— И последнее. Римма Фёдоровна, вопрос, который вы хотели бы услышать, но его забыл задать интервьюер?

— Счастлива ли?

— А ответ?

— У меня были такие стихи:

*Сочинитель,
подчинитель
стран,
сердеч,
пространств
и лет,
увеличитель,
очернитель,
слёз невидимых ценитель, —
как ты,
счастлива или нет?
— Я не счастлива —
Ячастлива.
Чьи-то чувства,
Чьи-то дни...
Но сердечное участие
утешает и отчасти
счастью всё-таки сродни!*